

БОЛЬШОЙ АНТРАКТ

РЕСТАВРАЦИЯ СТАРОГО ЗДАНИЯ МХАТ

С архитектором Г. Беловым я познакомился больше десяти лет назад в Вологде, где он реставрировал Прилуцкий монастырь: белые башни, прасла стен, галереи, палаты, серебристое пятиглавие Спасского собора, рядом с которым могила Константина Батюшкова.

**О память сердца! Ты сильней
Рассудка памяти печальной...**
Эти слова поэта точно выражают этическую суть профессии реставратора. «Память сердца» помогает ему самозабвенно погружаться в глубины истории, искать истину в каменных складках прошлого, чтобы сделать ее частицей нашей сегодняшней жизни.

Почыне Глеб Павлович Белов ведет работы в Прилуцком монастыре: архитектурная реставрация не скоро делается. За эти годы начаты и многие другие объекты, и последний из них — Московский Художественный театр.

В здании МХАТ Г. Белов и его коллеги из Всесоюзного производственного научно-реставрационного комбината решали совсем иные задачи, чем при реставрации древней крепости на окраине Вологды. Но и здесь необходима «память сердца», интуиция, способность проникнуть взглядом в былое, почувствовать прошлое, как живую, реальную жизнь.

...Летом 1902 года в Камергерском переулке шла стройка. Перепланированный известный, носился по ней в рабочей блузе Савва Морозов; он финансировал переплывку бывшего Лианозовского театра для труппы К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко. 29 июля А. П. Чехов писал М. Горькому: «В Москве переплывают Лианозовский театр в Художественный, работа кипит, обещают кончить к 15 октября, но едва ли спектакли начнутся раньше конца ноября и даже декабря».

Проект нового театра заказали Федору Осиповичу Шехтелю, другу и пациенту Чехова. Шехтель уже в ту пору был знаменит, он построил в Москве гостиницу и деловой дом «Боярский двор», особняк Рябушинского у Никитских ворот (ныне Музей-квартира А. М. Горького). Человек демократических убеждений, мечтавший о подлинной красоте и правде в искусстве, он с горячностью взялся за дело и очень быстро, а главное, безвозмездно выполнил проект.

Ф. Шехтель мало изменил фасад. Зато коренной реконструкцией подверглась сценическая часть, которая должна была соответствовать принципам Станиславского. Все для актера, для его самовыражения — так понимал свою работу архитектор.

Зрительный зал, фойе, кулуары отделаны были скромно, но с большим вкусом, с тем благородством, которое многие поколения зрителей, приходящих сюда с 1902-го по семидесятые годы, называли мхатовским стилем. В театре не было обычного сверкания золота, лепнины, роскошных люстр, бархатных кресел: небольшие матовые фонарики, сосновые панели на стенах фойе, кожаные кресла, табач-

ный и ольмаковый колорит стен с простым, но изысканным орнаментом, со славною чайкой, которая позже из фойе перекочевала на занавес. Когда Константин Сергеевич Станиславский говорил, что театр начинается с вешалки, он, вероятно, имел в виду работу Шехтеля и, в частности, гардероб на втором этаже, отделанный, как и все в Художественном общежитии, строго и без претензий. В то же время было в этой отделке и свое, особое, мхатовское настроение: глухие полутона, скромный уют, неяркое интимное освещение — приготовление к празднику, к театральному зрелищу. Эстетика Станиславского нашла точное воплощение в проекте Шехтеля.

С годами, как ни берегли мхатовцы свое здание, произошли утраты, переделки, исчез декор чайного буфета, заменены были панели главного фойе, перестлали паркет, изменив при этом рисунок, переделали гардероб — ту самую вешалку, с которой «начинается театр». Постепенно — от ремонта к ремонту — изменился кое-где цвет стен, под краской исчезли шехтелевские орнаменты. Время и новые потребности взяли свое: МХАТ, каким он сохранился на фотографиях 1902 года, перестал существовать, хотя никаких коренных перестроек не произошло. По мелочам было утверждено что-то существовавшее в «настроении» здания. Суть предпринятой сейчас реставрации — восстановление шехтелевского интерьера, той обстановки, о которой К. С. Станиславский писал: «В отделке театра не было допущено ни одного яркого или золотого пятна, чтобы без нужды не утомлять глаз зрителей и прибавить эффект ярких красок исключительно для декораций и обстановки сцены».

В музее МХАТ хранятся эскизы Ф. Шехтеля — они стали основой для работы проектировщиков. Художники-реставраторы, сделав расчистки, виртуозно достигли первоначального красочного слоя стен, сумели буквально по миллиметрам собрать остатки орнаментов, что дало возможность полно и совершенно достоверно подготовить цветковые эскизы и проектные предложения для реставрации всех помещений МХАТ. Я видел их в мастерской Г. Белова. Снова вернут-

ся в главную фойе вместе светлых дубовых черные сосновые крытые лаком панели; будет восстановлен интерьер чайного буфета и бывшего гардероба, воссоздана электроарматура, паркет по старым рисункам и фотографиям, поновлена мебель в зрительном зале: в прежние кресла — кто из москвичей не сидел в них? — предстоит вмонтировать наушники и динамики. «Характер мхатовского интерьера таков, — говорит Глеб Павлович Белов, — что здесь особенно важны мелочи, нюансы; если опустить их, не заметить, это будет что-то другое...»

Сейчас в здании театра — хаос строительной работы. Здание старое, существует с начала XIX века. В пятидесятые годы жилой амфиный особняк перестроили в доходный дом, через тридцать лет купец Лианозов купил его и устроил здесь театр. При всех перестройках закладывались прежние проемы или пробивались новые, не всегда качественно. Доброй кирпичной кладкой необходимо вычистить старые стены МХАТ. Это тем более важно, что вместо деревянных стропил будут поставлены железные. Тщательно проверяются и укрепляются фундаменты. Институт «Гипро-театр» ведет полную реконструкцию сценической части. Работа тонкая и сложная, она должна обеспечить историческому зданию счастливое долголетие.

Предстоит и реставрация рельефа А. Голубкиной «Пловец» над правым входом. Он потерян от городской пыли, стал незаметен. Архитектор Г. Белов предложил заменить его бронзовой копейкой, а оригинал передать в музей Голубкиной. «Пловец» — символическая панно: человека захлестывают волны, но он борется до конца. Пловец достигнет берега. Как этот образ переключается с шехтелевской чайной, ставшей эмблемой театра, с пьесами Чехова и Горького, с театральной революцией Станиславского! Немного есть зданий, которые выбрали в себя так много воспоминаний, символов, дорогих имен и образов. Это «память сердца». Ее сохраняют реставраторы.

С. РАЗГОНОВ.

● Главное фойе театра.
Фото 1902 года.

